

КРОКОДИЛ

№ 14 ● май ● 1981

ISSN 0130-2671

— Моего полку прибыло!

Рисунок Сергея РЕПЬЕВА

КАК ЭТО ПОЛУЧИЛОСЬ

В один прекрасный солнечный день, когда впервые стало повесенному тепло и толстая, по-сахарному аппетитная сосулька за окном начала катастрофически таять, в «предбаннике» моего кабинета раздался подозрительный шум. Кто-то явно буянил и стучал по паркетному полу не то каблуком ботинка, не то тростью. «Очередная жертва очередного нашего фельетона», — догадался я и терпеливо принялся ждать появления посетителя. Дверь действительно распахнулась, но на пороге возник не пропесоченный на моих страницах жулик, бюрократ, головотяп или другой какой-то наш постоянный «клиент», а элегантный молодой человек в свитере, джинсах и больших дымчатых очках на носу. Из-за спины его выглядывали другие молодые люди — тоже все как на подбор в джинсах, кожаных пиджаках и романтических бородах. В руках они теребили рисунки и рукописи.

— Здравствуйте, — шагнул вперед юноша в очках, который явно был в этой компании лидером. — Извините за вторжение. Но мы ждать не можем. Они улетают. Со скоростью звука. А то и света!

— Кто? — спросил я.

— Годы, — ответил молодой человек и не по возрасту философски вздохнул. — Нам всем уже за восемнадцать. Кое-кому даже двадцать. А вот ему, — он показал на какого-то бородача, который тут же покраснел, — недавно исполнилось двадцать четыре!

— Поздравляю, — отреагировал я.

— Не с чем, не с чем, уважаемый Крокодил! Потому что время уходит, а результатов наплакал не кот, не котенок, а в десять раз кто-то меньший. Одна-две публикации в «Крокодиле», столько же в «Литературной газете» и «Юности». И все. Мы хотим работать! Творить! Приносить конкретную пользу!

И делегация за его спиной одобрительно зашумела.

— Пожалуйста! — развел я лапами. — Разве кто против? Работайте, творите, выдумывайте!..

Тут я встал из-за стола и, прохаживаясь перед ними по кабинету, прочитал небольшую лекцию о том, как мы относимся к молодежи. Мы молодежь любим. Больше того, мы ее лелеем и пестуем. Журнал совместно с Союзом журналистов СССР регу-

лярно проводит всесоюзные и кустовые семинары молодых фельетонистов. Не так давно отшумело первое всероссийское совещание начинающих сатириков (тут наша редакция объединяла усилия с Союзом писателей РСФСР). При журнале работают литературная студия «Крокодилский Лицей» и студия молодых карикатуристов. В «Библиотеке Крокодила» выходят сборники произведений юных дарований веселого цеха. То есть руководствуемся известным постановлением ЦК КПСС о работе с творческой молодежью.

— Все это замечательно, — сказал лидер джинсовых юношей. — И во всех перечисленных вами мероприятиях мы принимаем самое живое участие. Но нам этого уже мало. Мы чувствуем в себе силы великие.

— Чего же вы хотите еще? — спросил я озадаченно.

— Мы хотим весь «Крокодил», — не моргнув глазом ответил очкарик. — Целиком. От корки до корки.

Увидев на моем лице неподдельное изумление, он быстро продолжил:

— Нет-нет, не пугайтесь, не навсегда. Мы просим отдать нам «Крокодил» пока только один раз. Один-единственный номер. Но чтобы уж действительно в нем все — от первой до последней обложки, от первой до последней строки — было сделано руками молодых! Вот такой эксперимент! Согласны?

Делегация подалась вперед и обстреляла меня в упор горящими взглядами. Я ответил:

— Согласен. Только, друзья, это должен быть настоящий «Крокодил» — с фельетонами и карикатурами на хозяйственные, моральные и международные темы. С рассказами и стихами. С «Улыбками разных широт» наконец...

Так вот и получился этот номер. Не все в нем, конечно, вышло бесспорно. Что-то более смешно, что-то менее. Кое-где придирчивый стилист, возможно, найдет отдельные шероховатости... Однако факт остается фактом: сделан журнал от начала и до конца молодыми. Которые пробуют себя, ищут, придумывают новое. Честь им и хвала за это!

КРОКОДИЛ.

Марк ЛИВШИН

Смехотворение

Если ночью нам не спится
и депрессия, как пресс,
надоело есть и бриться,
и гадюкой жалит стресс,

мало попросту забыться,
от забот себя отвлечь,
хорошо бы в смехбольницу
на обсмехиванье лечь.

Пусть осмотрят нас: смехолог,
смехиатр, смехопед,
смеххирург, смехопатолог,
смехопат и смехопевт,

пусть измерят смехатуру,
уяснят диагноз наш
и пропишут смехмикстуру,
смехальгин и смехмассаж,

смехошприцем смехвакцину
усмехаясь нам привьют,
накормив смехомицином,
наши раны засмеют...

Вот тогда щетину сбреем
остроумием своим,
им же стрессы одолеем
и недуги победим!

— Удобрения под открытым небом... А вдруг комиссия?

— Да разве она к нам по таким дорогам доберется?

Рисунок Михаила СМИРЕНСКОГО

Зарисовки

В нашей молодежной изостудии зарисовки с натуры — очень важный предмет. Недавно в горячую сельскохозяйственную пору — время подготовки к весеннему севу — два

Пили чай. Бабка Серафима — из-за давнего отвращения к спиртному, шоферы — потому что за рулем.

Правда, руля как такового пока еще не было. Самосвалы, за которыми водители прибыли в Мытищи, рождались в чреве Мытищинского машиностроительного завода. Там на зилевские шасси ставили кузова, в результате чего и получался автосамосвал. Точный срок получения автомобилей терялся в неизвестности, а бабка Серафима отбирала у приехавших шоферов львиную долю командировочных. Так что, если и захочешь чего покрепче, чем чаек, не очень-то разгуляешься...

Серафима на правах хозяйки разливала чай по чашкам и слушала неспешную беседу водителей — Карнакова из Барнаула, Доровских из Краснодара и Захарчука из Новгорода.

— Прихожу я, стало быть, в отдел сбыта, — степенно рассказывал Карнаков. — Когда же, мол, дадите машину? А мне говорят, что только в четвертом квартале... Как же так, охую, ведь квартал — это девяносто дней!.. Вот на девяностый, говорят, и дадим...

Карнаков отхлебнул «грузинского № 36» и, разнервничавшись, продолжал:

— Тут я не выдержал, стукнул кулаком по столу. А вы знаете ли, уважаемые, что нам план на машину спускают не на девяностый день, а с половины квартала? Мы на этом ващем будущем самосвале уже давно должны грузы возить!..

— Ну, а они? — заинтересованно спросил краснодарец Доровских.

— Выгнали меня из кабинета и еще милицией пригрозили. Дескать, я нарушаю трудовую дисциплину и мешаю нормальной работе завода. А

то, что они нарушают нашу дисциплину и дезорганизуют работу нашей автобазы, — это их не касается...

Карнаков так разволновался, что чуть не опрокинул чайник.

— Но-но! — прикрикнула Серафима. — Чай пей, да дело разумей. Рукам, мил человек, воли не давай, иначе всех вас отседова — в один момент...

Шоферы принялись успокаивать бабку, с ужасом вспоминая, как гнусно было им прежде спать на ящиках в заводской проходной. И даже поторопились объяснить ситуацию:

— Понимаете, Серафима Власьевна, пока получишь этот несчастный самосвал, все пороги пообобьешь... И выходит, что здесь — досадная экономическая нестыковка планов

производителя и потребителя. У нас план жесткий, а у них эвон какой либеральный! Что хотят, то и делают... Вот и вынуждены мы ездить за машинами лично, подталкивать, подгонять, иначе и вовсе не получишь.

— Ну, ладно, — снизошла бабка. — Рази ж я не понимаю? С этим заводом вам, ясное дело, спорить мудрено. Тут не нервы — проволоку надо иметь...

Мирное чаепитие нарушил шофер Куразов, вбежавший в горницу с ужасом на лице:

— Да что же это, братцы, а?! Ждал, ждал машину и вот — получил! Дверца кабины не закрывается, гайки кронштейна амортизатора свинченны, габаритные фонари не горят, запоры заднего борта искорежены... Не

ЧАЕПИТИЕ В МЫТИЩАХ

говоря уже, что инструмента не дали. Как хочешь, так и поезжай.

— А ты, видать, в первый раз? — спросили шоферы. — Тогда садись пить чай. Не один ты такой.

— Какой там чай! — махнул рукой Куразов. — Сказали бы лучше, где взять детали отремонтировать машину...

— А ты погляди повнимательнее вокруг, — усмехнулся Карнаков. — У заводских ворот частники-коробейники бродят. Гайка подъемника — двадцать пять копеек штука, сальники по полтиннику идут, кольца подъемника — по рублю, козырек от солнца — два целковых. Цены твердые. Ну, а разные мелкие неисправности можно ликвидировать прямо на заводе. Правда, тоже частным порядком. За рупь...

...А потом автор этого фельетона сам пил чай в кабинете директора товарища В. Донскова. Владимир Николаевич угощал меня ароматным цейлонским и рассказывал:

— Вообще-то отправка автомобилей осуществляется тремя способами: по железной дороге, центральной станцией по перегону машин и «самоходом». Двадцать тысяч машин в год идут своим ходом! Шоферы из организаций-получателей вызываются телеграммами. Но многие приезжают досрочно.

— Почему? — спросил автор. — Увы! Перевозить грузы новой машиной автохозяйства должны с середины квартала. Ну, а мы можем дать им автомобиль и в самом конце квартала. А бывает, что немного запоздаем...

Начальник отдела сбыта Б. Левальд, участвовавший в чаепитии, с энтузиазмом закивал головой:

— Вот и приезжают пораньше! Вон их сколько каждый день прибывает...

Мы помолчали. Под окнами директорского кабинета слышались крики и шум: работники завода пререкались с получателями из-за нехватки на самосвалах гаек, фонарей, инструмента...

— Кстати, — воспользовался случаем автор фельетона, — есть повод поговорить о качестве вашей продукции и о торговцах запчастями, которые шныряют вокруг завода. Похоже, что задержка поставок на руку любителям легкой наживы, которые торгуют гайками и фонарями у ворот завода.

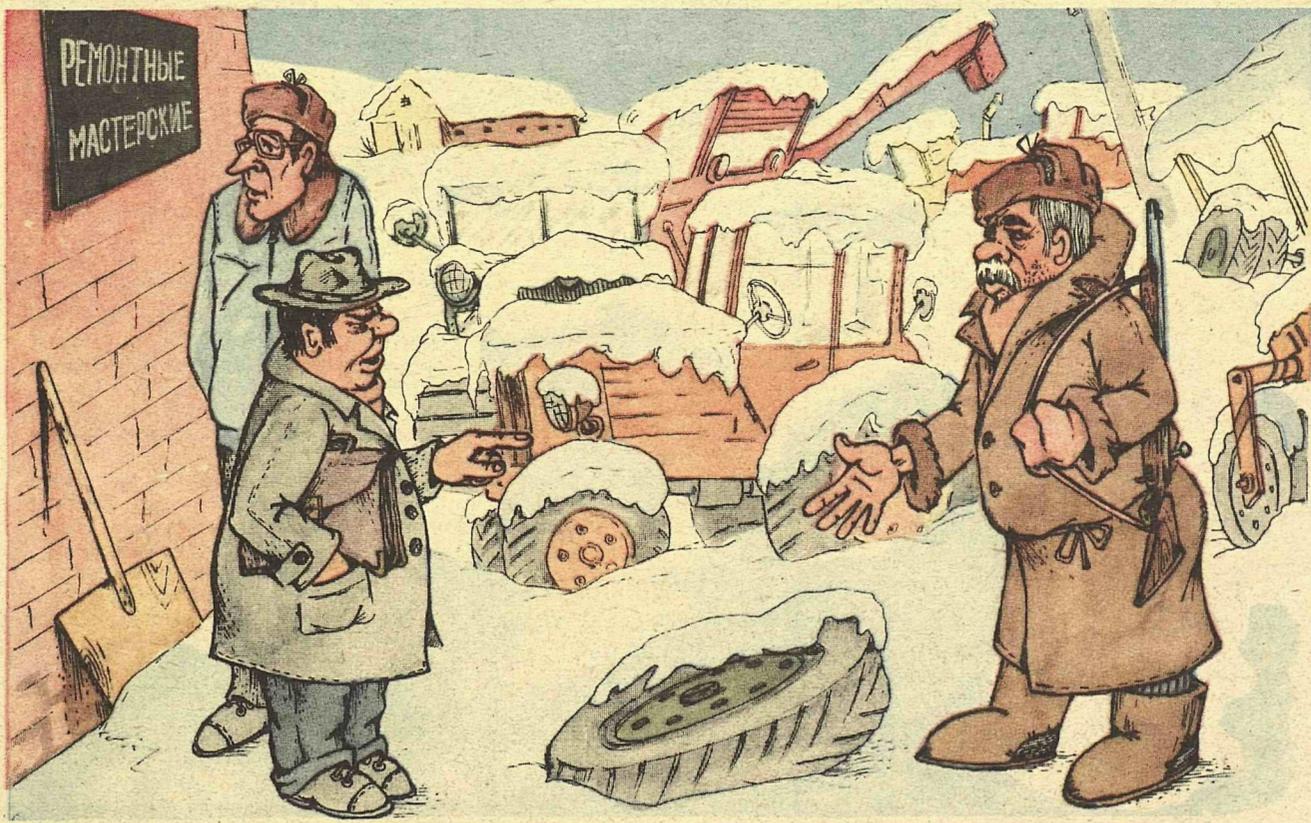
Владимир Николаевич откашлялся и произнес:

— Мы боремся! До решительного перелома, к сожалению, далеко, но сдвиги намечаются. С одной стороны, проводим на заводе Дни качества, с другой — лекции о вреде хищений. Территорию завода недавно забором обнесли...

Чай остыл. Автор откланялся и вышел. Едва он миновал проходную, как к нему подошли трое в шоферских куртках:

— Слушай, браток! Не знаешь, как тут до бабки Серафимы добраться? Переночевать, чайку попить...

г. Мытищи
Московской области.

с натуры

студийца С. БОГАЧЕВ и М. СМИРЕНСКИЙ поехали на природу в колхоз имени Карла Маркса (Рязанская область), и вот что они там увидели.

— Почему техника ничем не укрыта?

— Как ничем, а снегом?

Рисунок Сергея БОГАЧЕВА

Крокодилу уже не в первый раз становится прямо-таки жарко от страстей, бушующих у ворот заводов во время сбыта продукции. В фельетоне «На пуантах», например (№ 1, 1979), он рассказал о Дрогобычском заводе автокранов, где, пользуясь кровной заинтересованностью крановщиков в машинах, сбывали получателям заводской брак.

А заинтересованность эта появляется, очевидно, из-за несовпадения сроков выпуска автомобилей и начала их эксплуатации в автохозяйствах.

Кому же под силу состыковать несходящиеся планы?

Монолог сатирика

«Познакомилась с мужем в автобусе. Он добывал «Трех мушкетеров» Дюма, я зубрила химию. Теперь живем в новостройке. На общественный транспорт в оба конца — около трех часов ежедневно. Третий рабочего дня. Автобусные будни — своя, особая жизнь...»

Из разговора в автобусе.

ЖИЗНЬ НА ХОДУ

Я давно уже пришел к выводу, что самое спокойное место — это автобус в час «пик». Никто тебя не вызывает по срочному делу, телефон на твоём столе не звонит, потому что нет тут никакого стола, и не надо смотреть на часы, мучаясь оттого, что ты всегда куда-то опаздываешь или опаздывают к тебе...

Словом, никаких проблем. Надо только терпеливо выстоять в очереди, забраться на подножку, цепляясь за чужие портфели и зонты, и занять место у окна.

Двери закрываются, пятак безвозвратно съеден кассой, автобус трогается, и вместе с ним отрываешься от суеты, от временной зависимости, которая так сокращает жизнь, и — вперед! Ты в дороге.

Так вот, сидишь у окна, от мотора тепло, и мысли всякие приходят в голову. Садитесь, пожалуйста! Нет, не выхожу! Здравствуйте, не узнал вас — без шапки никогда не видел! Всего доброго!..

И среди всяких мыслей, которые приходят в голову в успокаивающей толчее, вырисовывается главная: вот, говорят, много сейчас у нас одиноких людей, борются с этим печальным явлением, клубы всякие организуются... А чем, спрашивается, мой автобус не клуб? Пусть временных встреч, зато постоянных и веселых. В автобусе не соскучишься... Девушка, родная, что же вы на меня шипите?.. А куда я ее дену? Это не я на вашей ноге стою. Нет, не выхожу. Извините... Я вот думаю: сколько разных способов общения, сплочения, контактов! Ведь сколько автобусов — столько клубов! А кто-то еще об одиночестве говорит, как, мол, с ним бороться!.. Да ведь все решается необыкновенно просто! Даже странно, что до сих пор не додумались. Клуб знакомств — это, конечно, хорошо. Но дело-то в том, что неловко как-то людям так вот прямо приходиться для того только, чтобы познакомиться. Тут следует тактичнее, тоньше... Нет, не выхожу... Вот мне рассказывали, женщина одна, Ануфриева Н. А. из Новомитропольки Красноярского края, заказала Тульской базе Посылторга постельное белье, полотенца, ну и еще там что-то, неважно. Заказала и ждет. Лет через несколько приходит ей извещение: заказ, мол, ваш выполнен, получите тульский самовар. Она, конечно, удивилась и, что делать дальше, не знает. Потом решила посылку обратно отправить. А может, совсем напрасно? Может, тут-то как раз и заключается решение важной проблемы: объединить множество одиноких и незнакомых между собой людей?

...Молодой человек! Вы все время локтем в мой глаз целитесь! Да уж, пожалуйста...

Ну, так вот... Представьте себе такую ситуацию. Некто X получает, например, вместо заказанной настольной лампы болотные сапоги, У получает вместо детской кроватки набор слесарных инструментов, а Z вместо надувного матраса — кастрюлю-сковородку. Тут же бегут они на почту и отправляют в Посылторг открытки — имеется такая-то ненужная вещь, нужна такая-то, возможны варианты. Обращаться по адресу... Спросить такого-то. Принцип, я полагаю, ясен? Люди без всяких хлопот приобретают нужные им вещи, и, что еще важнее, они общаются между собой! В конце концов организуется клуб постоянных заказчиков. Нет одиноких! Нет незнакомых! Все друг друга знают! Всю страну можно перезнакомить...

Ведь если задуматься, нет у нас совсем одиноких. Вот, скажем, этот автобус. Внеси в него меня на руках спешащие, раздраженные от томительного ожидания, незнакомые люди, и вдруг за спиной ласковый голос: «Передайте, пожалуйста, пятачок!» «Пятачок? — пожалуйста!» «А еще один пятачок можно?» «Можно!» И вот все мы уже и перезнакомились. Я стою у кассы и одариваю всех билетами, и несколько добровольцев помогают, и все мы уже словно старые знакомые. «Всего доброго!» — говорит мне один из бывших незнакомцев, выходя из автобуса. А мы уже теперь и не незнакомцы вовсе, а сплоченная группа единомышленников, вроде бы едущих куда-то на экскурсию. Мы общаемся, привыкаем друг к другу, и мне даже грустно расставаться со своей новой компанией. Я думаю о том, что, ах, если бы чуть-чуть больше внимания к ближнему, будь он случайный сосед по автобусу или коллега по работе... Я убежден, исчезли бы тогда досадные мелочи, от которых нервные люди рыдают, а сдержанные весь день носят в себе неприятное чувство. В подъездах вдруг вспыхнут разом все лампочки и запахнет если не цветами, то хоть свежей побелкой от стен. И кто-то не грохнется на скользком месте, потому что в гололедицу на улицу будут выходить дворники и посыпать тротуары песком, а может быть, кто знает, даже скалывать с них лед. А на станциях метро в час «пик» вдруг заработают все эскалаторы, и не заплачет пожилая женщина, потому что никто не закричит на нее: «Куда лезешь!» — и не добавит еще крепкое словцо... И даже продавщица овощного отдела заговорит серебряным голосом, а пластмассовое лицо приемщицы в ателье превратится в обыкновенное девичье личико с карими глазами и веснушками. И сам автобус придет на остановку через десять минут, а не через сорок, и войти в него можно будет без риска быть искалеченным... Ох! Слушайте, да уберите его куда-нибудь! Ну как же можно с мороженым в автобус... Вы меня не задаете, вы на меня капаете! Да я не кричу, но надо же повнимательнее... Вы не выходите на следующей? Позвольте, я пройду. Как — не останавливается? Тут же была остановка! Как — отменили?! Остановите, остановите, пожалуйста! Послушайте, остановите! Я же домой опаздываю! Что? Домой не опаздываю? А если многосерийный телефильм? То-то!

Уходит вдаль, светясь прощальными огнями, автобус, а я бегу домой по затемненной из-за отсутствия лампочек в фонарях улице...

Завтра я вновь подойду к остановке и, сев в автобус, возможно, встречу вчерашних знакомых. А однажды, я уверен, настанет такой день, когда я войду в салон своего автобуса и скажу: «Привет!» И весь салон поздоровается со мной, потому что я всех знаю и все знают меня. И я почувствую себя совсем как дома, совсем как на работе...

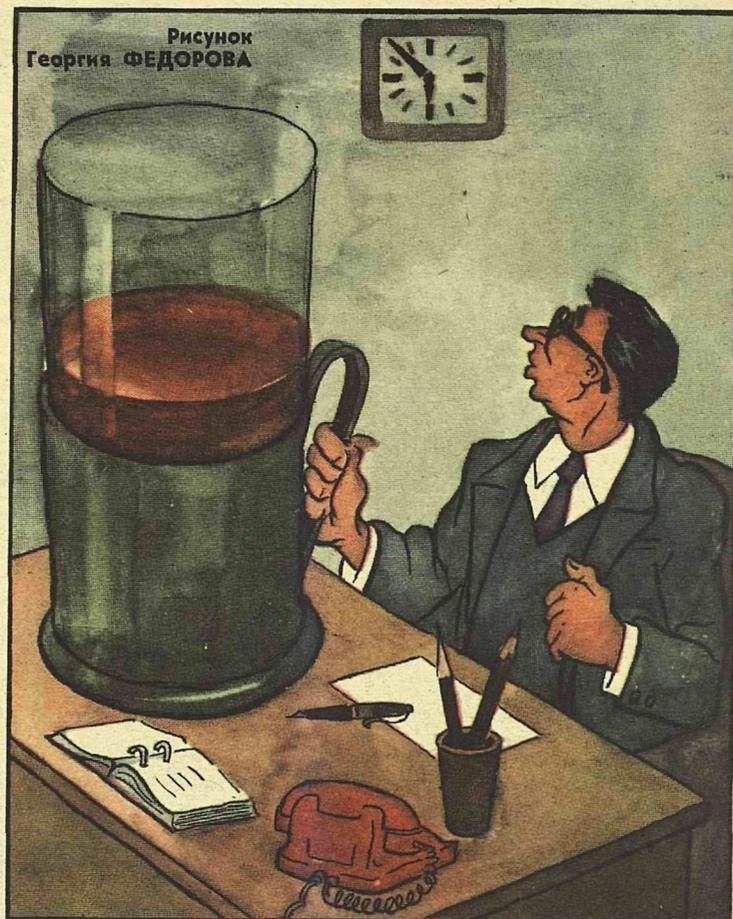
Родион АНТОНОВ.

В «Крокодильском»

Еще год назад среди начинающих московских юмористов наблюдался полный разброд. Все они писали как бог на душу положит и мыкались по редакциям газет и журналов. И тогда Крокодил решил протянуть молодежи лапу помощи. Взял и организовал при журнале литературную студию с несколькими напыщенным названием: «Крокодильский Лицей».

После сурового творческого конкурса в студию были зачислены 30 человек. Кто же они такие?

Среди них только один профессиональный литератор. Все остальные — люди самых разных специальностей: инженеры, конструкторы, научные сотрудники. Несколько человек учатся в институтах. А наиболее редкие профес-

— Вот время летит! Не успеешь стакан чаю выпить, как рабочий день кончился.

Евгений ОБУХОВ,
специальный
корреспондент
Крокодила

Стол ломился от яств. Бетонщик Ковалев справлял юбилей.

Он заранее оповестил самых близких ему людей, с которыми буквально сроднился за последние годы. Все охотно откликнулись на приглашение.

Виновник торжества произнес вступительное слово.

— Родные мои, — сказал он. — Я хочу напомнить вам замечательное событие, происшедшее ровно два года назад и благодаря которому мы здесь встретились. Я работал тогда на Курском участке СУ Змиевской ГРЭС. И 1 апреля 1979 года участок был отторгнут от Змиева и передан Управлению строительства Курской АЭС, что в Курчатове. Рабочим было предложено примкнуть либо к курчатовцам, либо к змиевцам. Дело добровольное. А я 20 апреля подал на увольнение по собственному желанию. По сугубо личным мотивам.

— Виват! — дружно сказали гости и подняли бокалы.

— Но за апрель зарплату я так и не получил, — продолжил Ковалев. — Змиевцы мне не платят, потому что я не ихний. И курчатовцы — примерно по той же причине.

Гости поставили бокалы. — Да, — пробормотал Игорь Владимирович Борисов, гость номер

Урок ЧТЕНИЯ

Лицее» — сессия!

сии такие: концертмейстер, фотограф, худрук Дома культуры.

В гости к лицейцам приходят известные писатели-сатирики, мастера веселого цеха. Они делятся секретами своей творческой кухни. Семинарские занятия ведут опытные крокодилы.

И вот минул уже почти целый год занятий. Говоря институтским языком, прошли два семестра. И, как положено, в Лицее — выпускные экзамены. Только не совсем обычные: в качестве экзаменаторов на чувство юмора и литературное мастерство выступаете вы, читатели. В этом номере мы вынесли на ваш строгий суд несколько наиболее интересных, с нашей точки зрения, фельетонов, рассказов, стихов и афоризмов лицейстов...

Александр КУЦЕР

Рассказ

А ЧТО ДЕЛАТЬ?

А что делать, если он не ест? Ну не ест, и все! И трешь ему, и выжимаешь, и давишь, отцеживаешь, а он не ест. И никакие песни, танцы, джороводы не помогают. А от сказок ему такое делается — весь съежится, засопит, тычешь ему ложкой, тычешь, а у него как в той же сказке — по ушам течет, а в рот ну никак. А сколько я ему игрушек перетаскал? «Детский мир» только за мой счет и выполнял план. Помните, как-то перебой с «Луноходами» был? Так это я всю партию целиком закупил. Думал, увидит, удивится, от удивления рот откроет, ну а я тут как тут — с ложкой. Так нет. Он только небрежно так, сквозь зубы (сквозь зубы, стервец!) бросил: «Опять, папка, алигнальничаете?»

Ну, думаю, все, ничем его не возьмешь. Уже и надеяться перестал, как вдруг однажды все-таки свершилось...

Прихожу как-то с работы домой, я тогда, вы знаете, на стройке прорабом работал. Переодеваюсь. Из кармана всякие там гайки, гвозди, шайбы вываливаются. Увидел их сынишка, весь востепенулся, одной ручонкой к гвоздю, а другой, не поверите, к компоту потянулся. Я так и обомлел. Смотрю и глазам не верю — мой отпрыск компот рубает. Опомнился я и бегом на родную стройку, благо недалеко. Попихал там по карманам что под руку попало: розетки, ручки, выключатели — и назад. Прибегаю, как школьник на экзамене, с ноги на ногу переминаюсь, волнуясь. Жду эффекта. А эффект потрясающий! Подействовало безотказно. Он так заигрался, что съел целое яблоко.

С тех пор и началось. Я таскал с работы всякую мелочь, а сынок приобщался к компотам, киселям и прочему десерту. И тогда я решил: хватит мелочиться, пора ребенку привыкать к нормальной еде из трех блюд. Цемент, кафель, унитаза сделали свое дело — он отлично ел, хорошо поправлялся и рос по часам. Я не мог на него нарадоваться. А недавно я такое принес... Он потом три дня добавки просил.

Вы должны меня понять, у вас тоже, наверно, есть дети. Вы ведь тоже отец, гражданин следовательно...

— Теперь никто не скажет, что жилищное строительство у нас не на высоте.

Рисунок
Сергея ХОМИЧА

один, он же начальник Курского участка. — Я допустил вас к работе, а заявления от вас не потребовал. Было такое. Немного виноват. Реорганизационная суматоха, знаете ли...

— Без заявления какая уж там зарплата, — подтвердил Яков Афанасьевич Бахтерев, гость номер два, бывший начальник отдела кадров УС Курской АЭС. — Это вам со змиевцев надо бы получить.

— Ну, естественно, с них, — кивнул третий гость, Евгений Петрович Быкадоров, прокурор отдела общего надзора Курской областной прокуратуры.

— Почему? — спросил юбиляр-бетонщик. — То есть чем вы мотивируете?

— Ну уж, мотивируете, — скромно

сказал Быкадоров. — Просто я так думаю.

— Вот уж нет, — возразила Галина Петровна Ермолаева, гость номер четыре, она же начальник отдела кадров СУ Змиевской ГРЭС. — Покажите-ка вашу, дорогой хозяин, трудовую книжку. Ну правильно, вот же моя запись, читайте:

«20.04.79. Переведен в УС Курской АЭС.

20.04.79. Уволен по собственному желанию».

— Ничего себе, — удивилась другая Галина Петровна, гость номер пять, по фамилии Попова, а по должности нынешний начальник отдела кадров УС Курской АЭС. — Если вы перевели дорогого юбиляра, почему в тот же день уволили? И как могли уволить, если перевели?

— А почему бы и нет? — возразила первая Галина Петровна. — От вас приказа о принятии его на работу не было? Не было. Ну, ладно, в свое время забыли. Так могли дополнительно издать.

— Не могли, это — нарушение! — вскричал Бахтерев, гость номер два.

— Да, — подтвердил прокурор Быкадоров. — Платить должны змиевцы. Так я думаю.

— А мотивировка? — снова настойчиво влез юбиляр.

— Так я думаю, вот и вся мотивировка, — взъерщился Быкадоров.

Возник беспорядочный застольный шум, хотя к винам еще никто не притронулся. Тут взял слово гость номер шесть, Крокодил.

— Почтенные гости, — сказал он. — Я приехал на это торжество, чтобы напомнить вам известный с детства постулат: «Чтение — вот лучшее учение».

— Все это хорошо — чтение, — сказал бетонщик Ковалев. — А почему же все-таки два года волокитится дело о моей зарплате?

— Уважаемый Анатолий Павлович, — сказал Крокодил, — все это потому лишь, что в том, уже давнем апреле начальник Курского участка допустил вас к работе, не потребовав подобающего в таких случаях заявления.

И потому, что без заявления ваша фамилия не попала в приказ по УС Курской АЭС.

И потому, что каждая следующая инстанция только множила число противоречивых бумаг.

И потому, что никому не пришла в голову простая мысль: если дело лишь в отсутствующем приказе, то не издать ли этот приказ дополнительно?

И потому, что это действие, как ни

удивительно, было бы в полном соответствии с законом!

Крокодил достал из-за пазухи книжку в голубой обложке.

— Известно ли вам, милые соотрапезники, — спросил он, — что у нас действует единое трудовое законодательство — Кодекс законов о труде?

— Как законодательство? Как кодекс? — взволновались гости. — Да быть того не может!

— Откроем книжку, — сказал Крокодил, — и поищем в ней статью 18, часть 3. Нашли. Давайте подчеркнем эти строчки чем-нибудь красным. И насладимся их конкретностью: «Фактическое допущение к работе считается заключением трудового договора, независимо от того, был ли прием на работу надлежащим образом оформлен».

— Итак, мой тост, — резюмировал он, — любите книгу — источник знаний. Если вы на своем посту обязаны быть компетентными, будьте. Читайте полезные книги, КЗоТ в частности, не стесняйтесь. И тогда вы больше не поставите себя в неловкое положение и люди не будут блуждать в бюрократических дебрях, вами возвращенных. Уважайте людей. Тогда и они вас начнут уважать, взаимно.

Курская область.

Чудо природы

Под двадцать градусов мороз,
В снега и льды земля одета,
А под горой живой ручей
Искрясь звенит, поет про лето.
В раздумье лыжник — удивлен,
Друзей беспечных созывает:
— Что это! Явь! Мираж! Иль сон!
Ручей печально завывает:
— С химкомбината сверху вниз
В меня сливают антифриз.

Любовь

и картошка

Есть повар прекрасный в столовой
одной,
Продукты не носит в портфеле
домой.
— Как сытно! Как вкусно! — доволен
народ...
Вот только жена... подала на
развод.

ОБУЗДАНИЕ

Чудовищная выходка предметника Сарайкина, едва не опрокинувшая храм просвещения в Новых Выселках и ввергшая в обморок педколлектив, началась с вещей простых и ясных, как трижды три...

— Ну-с, так сколько же будет трижды три? — допытывался Анатолий Иванович у учеников. — А семью семь? А шестью пять?

Не привыкшие к таким заковыристым вопросам восьмиклассники безмолвно, как рыбы в стекло аквариума, бились о гранит знаний и так же молча опали в спасительные недра парт.

Ну как сеять разумное, доброе, вечное в безгласной пустыне? Анатолий Иванович отбросил сеятельский пацифизм и рассвирепел так, что даже оттопырились лепестки электроскопа.

— Я ведь могу и двойку поставить. В четверти! — угрожающе занес он ручку над журналом.

— Не можете, Анатолий Иванович! — вдруг хором парировал класс.

— То есть как это не могу? — оторопел Сарайкин. Но тут прозвенел звонок, и школяры, с гиканьем спешиваясь со скамеек, рванули к выходу. И хотя эти почти выпускники плавали в таблицах умножения, путали Гоголя с Гегелем, а Декарта с картингом, тут они попали в самое больное место педагогики.

Сколько рук вцепляется в одну, занесенную над журналом! Первой неразумную правую хватает рассудительная левая. Двойку ведь нужно исправлять, и делать это придется самому. А значит, прощайте, Ялты с Пицундами, и да здравствует веселенькое лето в узком кругу отстающих. Вырастает препятствие в виде твердой директорской ладони: честь школы и показатели успеваемости никому не дозволено попирать. Стискивает запястье педсовет, внушая с железной логикой: не смог обучить — какой же ты педагог? Тут уж необдуманный замах и сам собой проходит, и рука без колебаний рисует «удовлетворительно».

Эх, тройка, птица тройка! К твердой тройке, тройке со знаком качества, притулились ее собратья пониженной сортности: тройка с минусом, троечка с натяжкой, тройка, выданная авансом под унылое «ей-богу, я выучу, Марь Иванна...».

Бывшая завуч школы Татьяна Андреевна Малкина примерно так и рассуждала:

— Не академиков готовим, а пестуем тружеников. Не все же из глубинки ломоносовыми произрастают.

— Зачем изнурять детскую душу двойками по органике, когда они на практике познакомятся с органикой, в процессе разбрасывания ее по полям? — убеждали другие, не менее умудренные педагоги. И отправлялись в Министерство просвещения Мордовии бравурные отчеты, что, дескать, в холе выращиваются ряды не обязательно потенциальных академиков, но просто трудящихся.

— Так, значит, я не смогу поставить двойку? — горячился на следующий день перед тем же безмолвным классом Сарайкин.

— Валяйте, Анатолий Иванович! — от души потешались восьмиклассники. — Если, конечно, забыли случаи с Рузмановым и Поздняковым, если не помните Беляева.

И снова замирала занесенная над чистым журналом рука физика, а в центре пластилиновой модели атома сама собой появлялась физиономия хронического двоечника Анатолия Позднякова. Рядом, на месте электрона, возникал лик Василия Рузманова, по эллипсоидной орбите к нему приближался профиль Юрия Беляева. Один был оставлен на осень с двойкой по физике, другой — по астрономии, третий схлопотал кол по химии.

И тем не менее по распоряжению директора им были выданы свидетельства об успешном окончании школы. Без переэкзаменовки.

...Лики двоечников двигались, как живые, все расплылось перед глазами оторопевшего учителя.

— Так в состоянии я или не в состоянии? — отмахивался от всей этой чертовщины Сарайкин и еще крепче сжимал авторучку.

Весной 1979 года все-таки решился он и выставил шестнадцать годовых двоек! Директор

— До чего додумался, изверг, в трактор конуру всобачил!

Рисунок
Сергея РЕПЬЕВА

ДЕСПОТА

школы Виктор Степанович Аверкин отнесся к этому против ожидания спокойно и, получив журнал, отправил на следующий день предметника воспитателем в школьный трудовой лагерь. Труд, как известно, исцеляет и облагораживает в ситуациях и положе.

В Саранск тем временем полетел за подписью завуча Т. А. Малкиной отчет, лучезарно уведомляющий: по разным предметам оставлено на переэкзаменовку всего-навсего четыре человека.

— Как? — бушевал Сарайкин. — Вот этой самой рукой ставил двойки, и где они теперь? Ведь четырнадцать лодырей за целый год ни разу не ответили, не написали удовлетворительно ни одной контрольной, и им свидетельство...

Кто мог ответить, когда педколлектив уже вкушал от каникулярного срока, год старый кончился, а новый еще и не начался?

И спустя год преподаватель физики и математики А. И. Сарайкин решился на жутчайший поступок, от которого у директора школы похолодела голова, будто ее моментально обрили. Говорят, отпетый прогульщик уроков немецкого вдруг заговорил на чистейшем саксонском наречии, когда узнал о фортеле Сарайкина. А педколлектив шептал побелевшими губами:

— Когда же кончится эта бойня, это мучительное каннибальство? Не по правилам!

Вся отчаянность фортеля Сарайкина заключалась в том, что в следующем, 1980 году он выставил восьмиклассникам теперь уже около сорока неудов, да еще и написал в Министерство просвещения Мордовской АССР, а за ябедничество в старые добрые времена били.

И в июне грянула «темная». Впрочем, формально она называлась заседанием месткома, но на самом деле удивительно смахивала на избиение исподтишка. Как водится в таких случаях, Сарайкина на заседание не пригласили и совещались заспинно. Чем не «темная», когда местком рекомендует уволить преподавателя, не дожидаясь конца его отпуска? А прибывшая из Саранска заместитель министра просвещения Анна Васильевна Просвирина вместо разбора жалобы Сарайкина сама участвует в незаконном его увольнении? И, наконец, вытурили учителя с двадцатисемилетним стажем под смехотворным предлогом — за профнепригодность!

Долой деспота, свободу его жертвам! Под таким лозунгом закончилась неудавшаяся «темная». Неудавшаяся потому, что Zubovo-Полянский районный суд восстановил Анатолия Ивановича на работе. И вот мы вместе с новым завучем школы Лидией Михайловной Демидовой и заведующим рено Анатолием Александровичем Костиным, который во время того заседания месткома был в отпуске, пытаемся узнать, как были исправлены сорок двоек.

— В результате усиленных дополнительных занятий, которые вели наши опытейшие педагоги, в итоге творческого самовозгорания бывших отстающих и под воздействием творческого напора учителей двоечники стали твердыми троечниками, — гордо рапортовала Лидия Михайловна. В качестве весомого аргумента она представила тошную тетрадку под названием «Журнал дополнительных занятий с учащимися 8». Там записано: ученица Рипашова с 3 по 24 июня за безукоризненное грызение науки получила девять троек. Рядом отмечен спурт Зинаиды Учамбриной, умудрившейся при безусловной посещаемости отхватить одиннадцать троек.

И мы все вместе едем сначала к Рипашовой, от которой узнаем, что с конца мая и до конца лета она безвыездно нянчила свою племянницу в Подмоскowie. А потом отправляемся к Зине Учамбриной, где слышим: два раза заходила в школу, самое большее три...

— Ну, как, могу ли я поставить двойку или нет? — спрашивает теперь уже у меня Анатолий Иванович. — Хотя бы разик?

Я отвожу взгляд и стыдливо молчу, как прогульщик на экзамене.

Зубово-Полянский район Мордовской АССР.

В некоторых хозяйствах не хватает механизаторов. В колхозе имени Тельмана Рязанской области на 34 трактора — 14 трактористов.

— Спасибо шефам, прислали рационализатора-многостаночника.

Рисунок
Сергея БОГАЧЕВА

— Я не знал, что лесник взял охранять лес соловья-разбойника!

Рисунок
Евгения ВАСИЛЬЕВА

А вот и мы! Мы — это двадцать три молодых художника, которые регулярно, раз в неделю приходят на занятия в Крокодильскую студию молодых карикатуристов. Вообще-то мы работаем в конструкторских бюро, архитектурных мастерских, на производстве. Но при этом у всех у нас одно увлечение — смешные рисунки, шаржи, юмористические иллюстрации. Именно поэтому все мы как один откликнулись на приглашение Крокодила, напечатанное в московских газетах, — присылать свои произведения на конкурс в молодежную студию. О, конкурс был велик! В приемной комиссии заседали суровые мастера

крокодильской карикатуры. Они внимательно и дотошно изучали наши работы, проводили устные собеседования. Но вот все испытания позади. Мы студийцы. С нами занимаются художники журнала: Гарри Иорш, Марк Вайсборд, Андрей Крылов, Лев Самойлов, Борис Старчиков, Евгений Шукаев, Михаил Ушац и другие. Они учат нас тому, как находить темы для рисунков, типажи к ним, как решать эти темы наиболее выразительно. Мы изучаем историю крокодильской карикатуры, выполняем задания, рисуем с натуры, обсуждаем собственные работы. Кстати, все рисунки этого номера — дело наших рук...

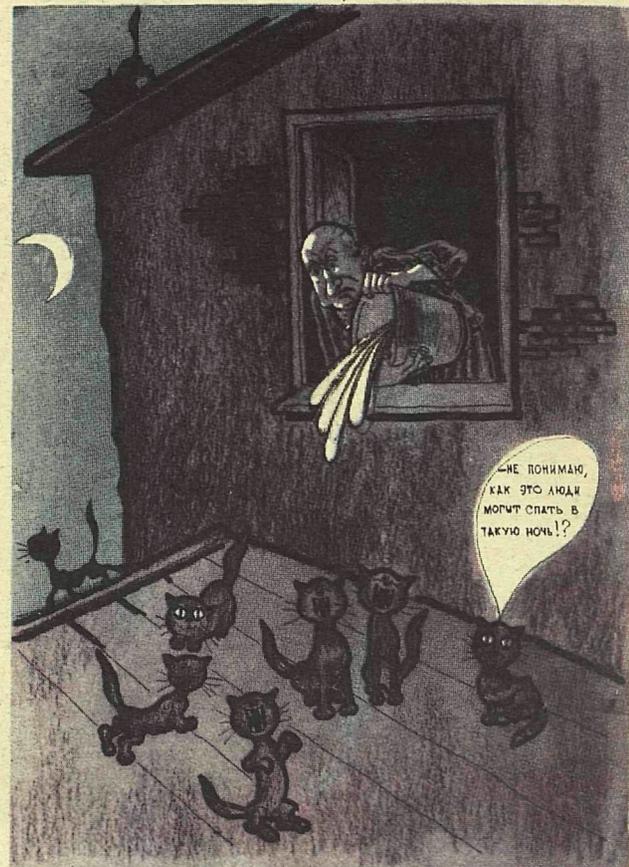
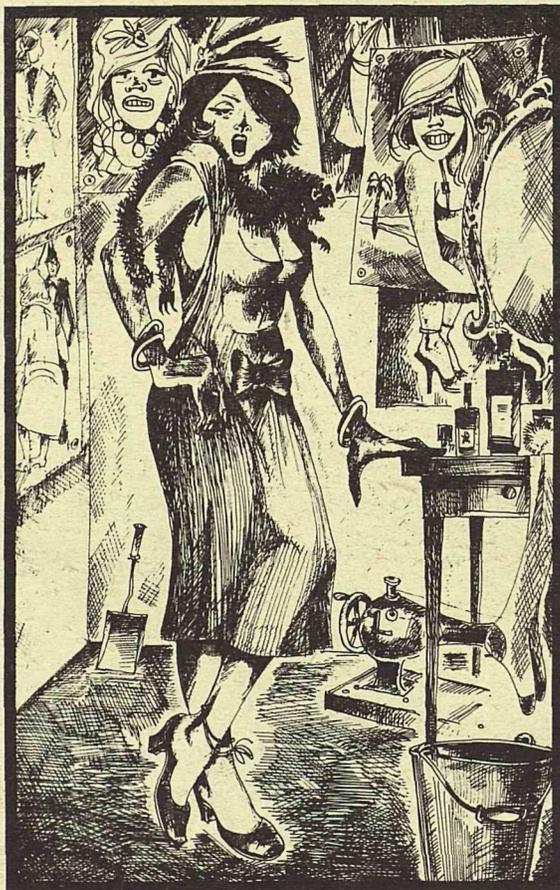
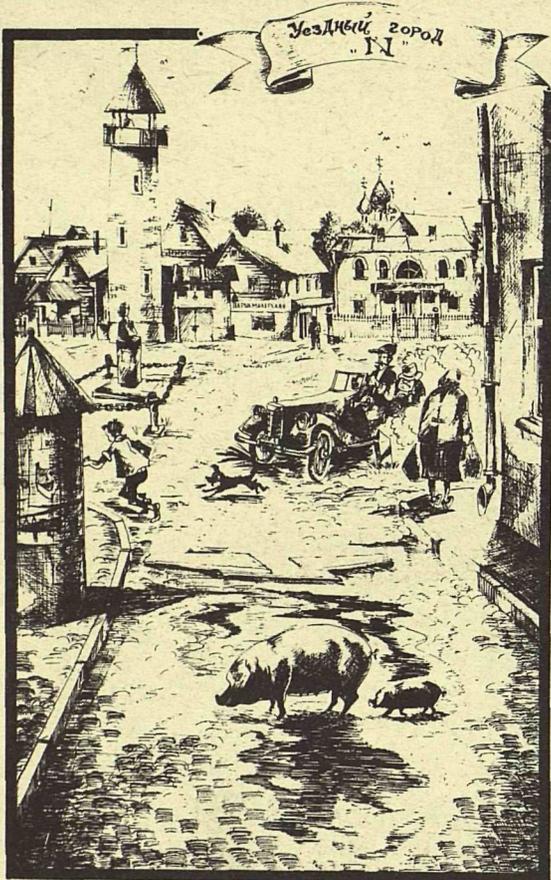
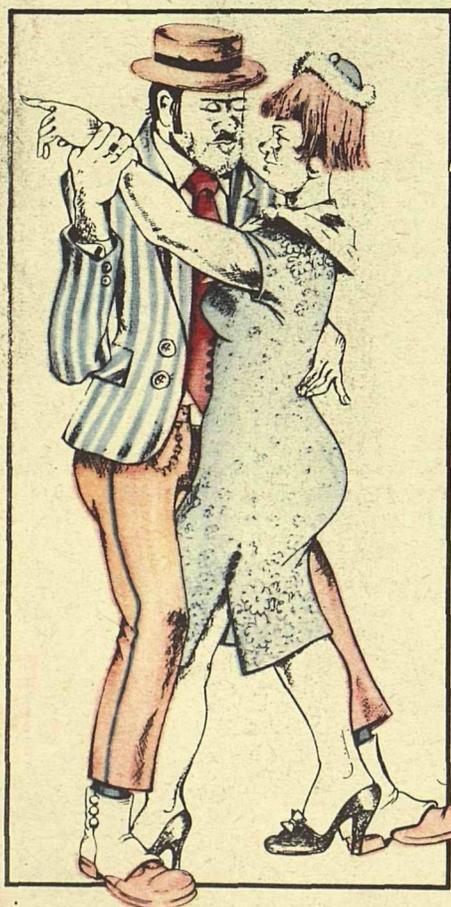

Рисунок Ольги МЫЛЬНИК

ДИСКОТЕКА

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ: ИЛЛЮСТРАЦИИ К РОМАНУ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬБЕВ».

Рисунки Юрия КАПУСТИНА

Рисунок
Евгения ЖЕРДЕВА

Рисунок Владимира ХАХАНОВА

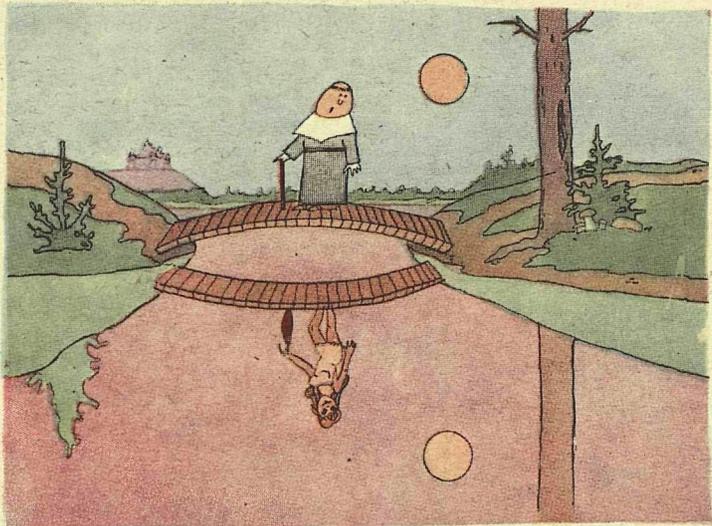

Рисунок
Владимира
УБОРЕВИЧА-БОРОВСКОГО

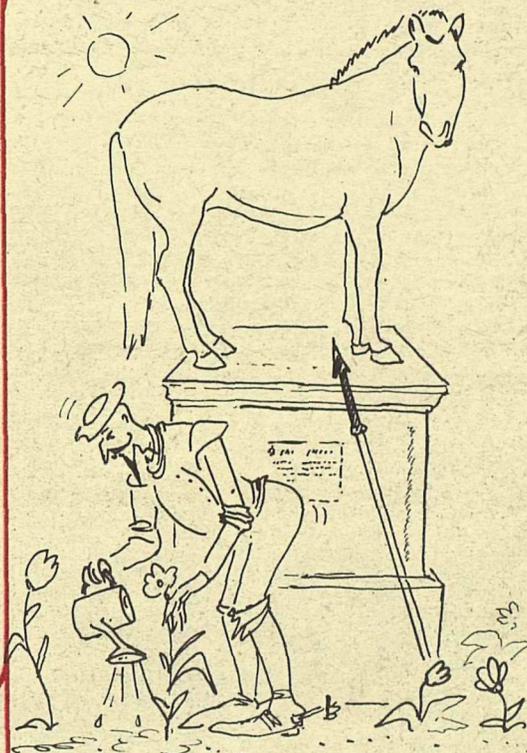
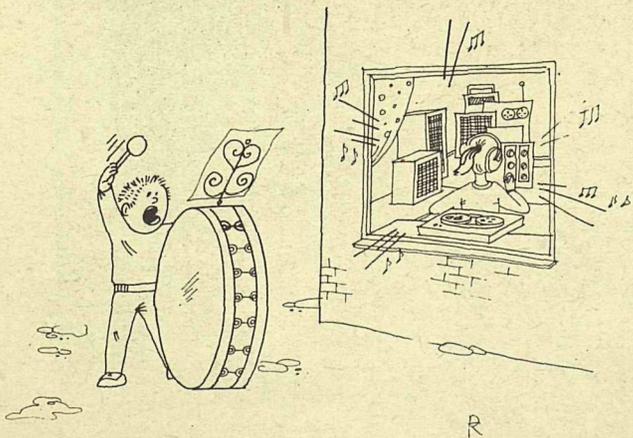
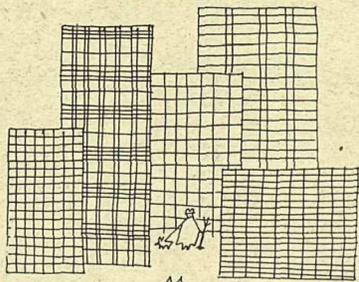
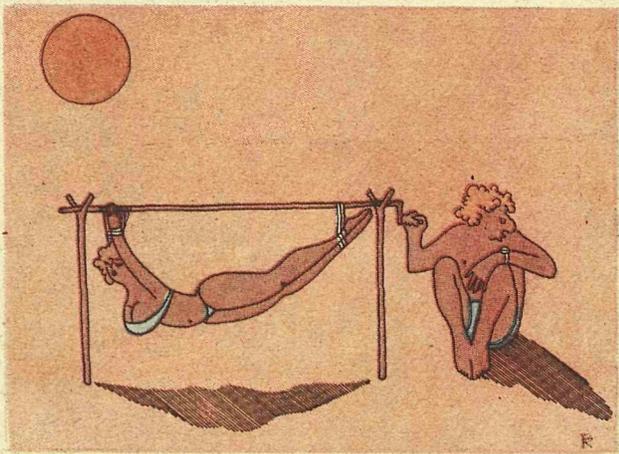
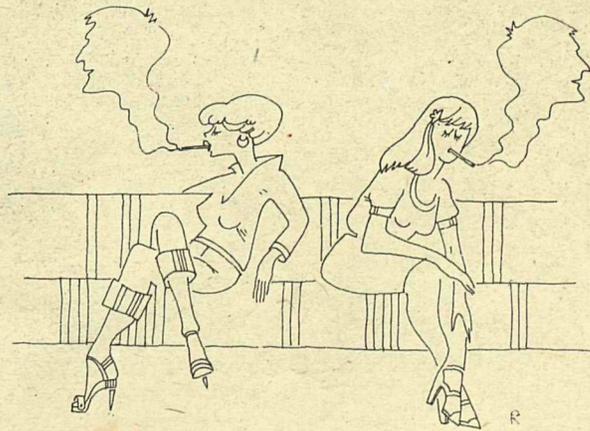
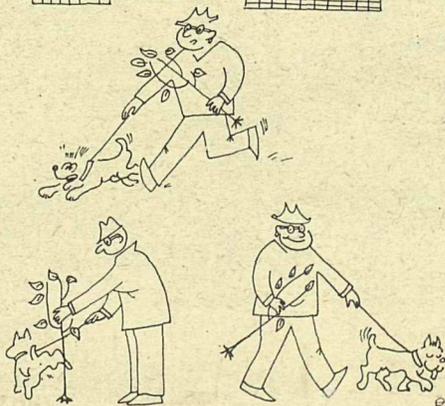

Рисунок Елены ШИПИЦОВОЙ

— Ми...ла...я, ты... у...слышь...
ме...ня...

Рисунки Элины РАПУТОВОЙ

А ТЫ КТО ТАКОЙ?

Все хуже идут дела у афганских басмачей, действующих против своего народа с территории Пакистана. И ни американское оружие, ни китайское, ни пакистанское.

— Не в оружии только дело, правоверные! — раздался недавно возглас в высших басмаческих кругах. — Вы ведь только посмотрите: нас, главарей... то есть руководителей, больше, чем банд... то есть отрядов и группировок. Куда это годится, и кто нас уважать будет? Нужна централизованная власть! И нужен верховный глава! Вот тогда будут у нас и авторитет и сила!

Руководители, то есть главари, почесали бороды, подумали и решили, что мысль правильная — без главы не солидно.

В другой бы компании, может быть, и решили этот вопрос оперативно, а здесь сразу вышла заминка. Потому что каждый главарь тут же захотел быть главой. И чуть ли не кинжалом размахивать стал. А дело — ни с места.

Но тут нашелся один самый прыткий. Некий Абдулла Расул Сайяф, лидер так называемого «Исламского союза за освобождение Афганистана».

— Чего мне тут с этими уголовниками сидеть да без толку рядить, — решил он.

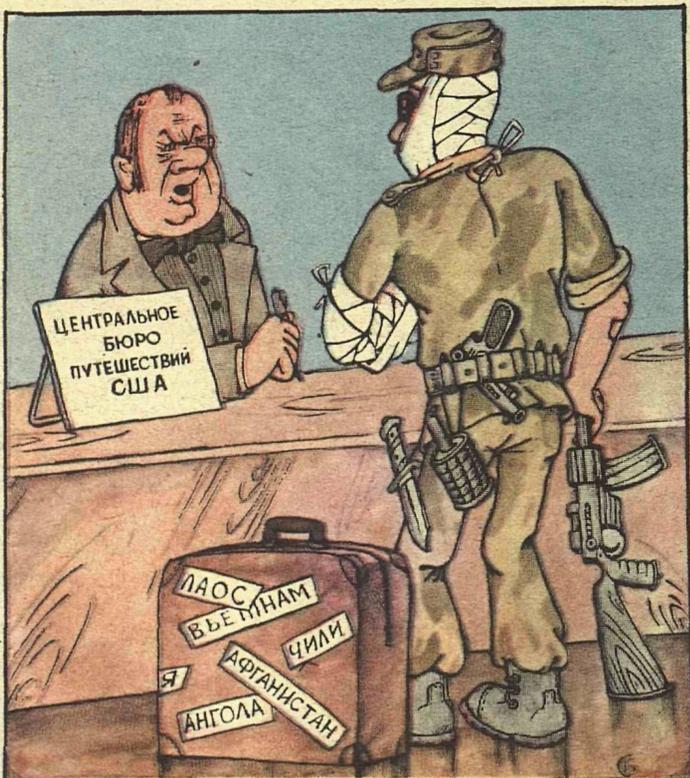
И тут же сочинил телеграмму прямо на имя Генерального секретаря ООН К. Вальдхайма. Так, мол, и так, я, Абдулла Расул Сайяф,

единственный правомочный представитель афганского народа в ООН. Так что если есть какие вопросы, то только ко мне...

Но в ООН, естественно, никаких вопросов к самозваному представителю афганского народа не возникло. А если у кого и могли возникнуть вопросы к Абдулле Расулу Сайяфу, то разве что у его друзей-соперников. Вопросы типа: «А ты вообще кто такой и откуда выискался, что вперед всех лезешь?»

Впрочем, такой вопрос можно задать каждому из басмаческих главарей, когда они начинают говорить от имени афганского народа.

Петр ПАРХИТЬКО,
Александр ПОРТЕР.

— Могу предложить вам круиз по Сальвадору.

Рисунок
Сергея БОГАЧЕВА

— Караул! Русские перешли в решительное наступление.

Рисунок Владимира **УБОРЕВИЧА-БОРОВСКОГО**

РАСИСТСКИЙ КАСТЕТ

Рисунок
Евгения АЛЕКСЕЕВИЧА

В массовой серии «Библиотека Крокодила» вышла новая книжка. Называется она «КРОХОТНЫЕ ЗВЕЗДЫ», а подзаголовок ее — «Фельетоны и рассказы молодых». Авторы сборника — участники последних совещаний и семинаров начинающих сатириков, которые редакция «Крокодила» организовывала совместно с Союзом журналистов СССР и писателей РСФСР. Сегодня мы публикуем два произведения из этой книжки.

Из отпуска Алена вернулась к себе на кафедру загорелая и загадочная.

— Ой, девочки, мне так повезло! — гордо сказала она с чувством восстановленного за отпуск женского достоинства. — У нас была такая компания! Сплошные знаменитости!

Да, не зря она так долго готовилась к этому отпуску: худела, шила платья, козырьки, отрезала от туфель задники, чтобы получились сабо...

«Назовусь актрисой!» — мечталось ей и на примерках дома перед зеркалом и на горном перевале, ведущем к прибрежной турбазе «Мечтатель», куда профком выдал путевку за самостоятельность. Внизу, в объятиях мысов, как в лапах темно-коричневого краба, пригрелся на синем солнце залив. А среди прибрежной зелени, карабкающихся на горы краснокрытых мазанок искрилось современное здание турбазы. Стекло и алюминий — мечта Чернышевского!

Номер Алене дали двухместный с лоджией и видом на горизонт. Когда она вошла, первое, что увидела, мольберт. Стоял он посередине комнаты, в которой пахло масляными красками. К мольберту была прикреплена начатая картина — картонка с неровной линией горизонта, что виднелась за лоджией. Рядом в крашенной кругами обтягивающей майке сидела худая девушка. Когда она повернулась, раздвинув руками длинные прямые волосы, точно занавеси поутру, у Алены отлегло. Не так уж красива. Во всяком случае, не лучше ее самой.

— Марта, — сказала девушка. — Художница. Располагайся.

К вечеру они выяснили, что говорят примерно на одном языке. Конечно, интереснее отдыхать на «тачке», но родители «зажимаются», а ехать с кем-то? Нет, обе они не ханжи, но зачем связывать себя? И так-то за зиму устаешь от этих постоянных ухаживаний.

— Юрий Лекалов! — Невысокий человек с маленькими, как запятые, глазами и большой окладистой бородой, скрывающей возраст, а также неудачную нижнюю часть лица, встав из-за стойки бара, поцеловал Алену руку.

Да, Марта уже рассказывала ей про него. На вид неказист, но писатель. Фамилию слышать и не могла, потому что он еще ничего и не написал, то есть не напечатал. Работал на время. Сейчас

не поймут. Народ в массе своей еще не созрел. Но среди понимающих и идущих впереди времени ценился необыкновенно и считался одним из самых-самых!

Лекалов сам угадал в Алене актрису. В нем, безусловно, было что-то симпатичное!

Весть о том, что на турбазу приехала будущая знаменитость, снявшаяся уже в шести фильмах, из которых четыре прикрыли, а два вот-вот должны выйти на экран (если, конечно, не прикроют), живо облетела отдыхающих. Долгожданный отпуск начался! Нет, она не боялась разоблачения. Ведь всех известных режиссеров Алена знала по имени-отчеству, кто на ком женат, сколько раз... Словом, в искусстве разбиралась, понимала его и любила.

— Моя бабушка была русской актрисой! — сказал с мягким прибалтийским акцентом Тим, сын канадского миллиардера, знакомясь с Аленой. — Каждый дворец в вашей стране кажется мне родительским домом.

Через два дня, проснувшись, Алена поняла, что влюблена. Вот бы подруги лопнули от зависти,

Михаил ЗАДОРНОВ

Крохотные звезды

Рассказ

если б узнали, в кого. Да-а, было в Тиме что-то такое, чего не было в мужчинах отечественных. Ну, а особенно далеко до него было, конечно же, Петру, бросившему ее. К тому же, оказывался, у Тима был свой вычислительный центр. Самый центральный во всей Канаде. И еще бензоколонка где-то на Ванкувере. Но это уже так — мелочи.

Подолгу в первые дни знакомства стояли они вечером на парапете набережной, как настоящие влюбленные. Усыпанная множеством звезд темнота казалась Алене ее загадочным будущим. Вот одна крохотная оторвалась от него, чиркнула по небосводу, но не зажглась, а тут же погасла.

В такие минуты она рассказывала Тиму о тех ролях, которые уже сыграла, и о тех, которые хотела бы сыграть: Джульетту, Маргариту булгаковскую, Бесприданницу... Петр бы даже слушать ее не стал. Ах, как далеко ему было до Тима!..

Однако ничто не вечно: ни любовь, ни жизнь, ни даже отпуск с присоединенными за работу в

дружине отгулами. Первым уезжал Тим. Даже море, обычно зеленое, в день его отъезда посерело и сморщилось, словно постарело. Ветер лихо промчался по нему и проскочил в комнату, взвив к потолку белую занавеску.

— Зайчик ты мой! — сказала Алена, глядя в медные глаза Тима и отражаясь в них, словно в старинном, давно не чищенном бабушкином самоваре. — Неужели никогда больше не увидимся?

— Наши с тобой жизни, как две непараллельные прямые, — преодолевая рыдания и акцент, выдавил на прощание из себя Тим. Он никогда еще не говорил так много по-русски сразу. — Они всего один раз пересеклись и уже никогда больше не встретятся.

Алена чувствовала себя такой несчастной, что была счастлива. Тем более, что Лекалов обещал написать об их безысходном романе роман. Он, опережающий время, даже пробежался чуток за поездом, увозящим в плацкартном вагоне через Литву прямо в Канаду миллиардера-канадца.

— Тимоха! В этом году буду в Вильнюсе — обязательно позвоню, еще кутнем! — крикнул он

вдогонку, но Алена этого не слышала да и не хотела слышать.

Вечером проводили писателя. «Вот и все! — долго не могла заснуть Алена. — И снова кафедра с ее серыми сплетнями, обязательной общественной работой и ежедневными вставаниями по будильнику». Да, но ведь и снова шитье нарядов, снова подготовка к отпуску — авитаминоз от пережидания, а потом отпуск и... снова крохотные, отпадающие от темного будущего звезды...

— Один канадец, ОЧЕНЬ богатый, даже сделал мне предложение! — рассказывала Алена обступившим ее подругам про отпуск, увидев, что в комнату заглянул Петр. — Все увезти хотел. Вычислительным центром заведовать предлагал... И еще бензоколонкой.

— Ну, а ты?
— Дверь за Петром противно захлопнулась.
— А я-то что? — Алена пожалала плечами. — Не ехать же из-за бензоколонки.

Копен
АМИРБЕКОВ

Где же ты, театр народный?

Раз, два, три, четыре, пять —
Отправляюсь я искать.
— Что случилось?
— Что пропало?
Изумленный спросит люд. —
Табуна коней не стало?
Утонул в песках верблюд?
Раз, два, три, четыре, пять —
Я театр иду искать.
Он на горе сельской массе
Потерялся в Анабасе.
Занят делом благородным,
Он когда-то стал народным,
Одолел немало пьес
И, представьте,
Вдруг исчез!
Раз, два, три, четыре, пять —
Можно больше не искать:
Я уже нашел пропажу,
Но театра не узнать.
Боже мой, ну до чего ж
Он на прежний не похож!
Разбежались все таланты —
В полдень с фарой не найдешь!
Областной глава культуры
Как-то раз визит нанес.

Неизвестную фигуру
Он с собой в театр привез.
И сказал:
— Я к вам с сюрпризом.
Вот директор ваш — Карнизов,
Он сумеет вам помочь. —
И спокойно отбыл прочь.
Так неделя примерно восемь
Новый шеф правами тряс.
После все к шайтану бросил
И исчез, как Фантомас.
Стонут музы без пригляда,
Руководство музам надо.
И пришел другой бастык * —
Сулейменов Аркалык.
Так ли было все, не так ли —
Знает здесь и стар и мал.
Не поставив ни спектакля,
Этот тоже убежал.
А за ним во весь опор
Убежала режиссер.
Да...
В районе Анабаса
Молодых талантов масса,
Просто их не сосчитать.
* Руководитель (каз.).

Но скажу по правде:
Что-то
О талантах тех заботы
В телескоп не увидеть.
Раз, два, три, четыре, пять —
Как театр опять поднять?
Друг-читатель, подсажи —
Обещаю суинши *!

г. Алма-Ата.

* Подарок за хорошее издание (каз.).

А где нам взять специалистов...

Механизаторы колхоза имени Ленина Клиновского района, что на Брянщине, провели своими силами реконструкцию мастерских, построили новые гаражи, сделали заправочную станцию на четыре колонки. Но уже прошел год, а современная АЗС, стоившая колхозу не одну тысячу рублей, не действует, потому что во всем районе не могут отыскать специалистов для подключения электронного оборудования.

Пристает ко мне сынишка, пятиклассник Михаил, говорит: «Читал я в книжках, в нашей школе проходил, что, пронзив все сферы жизни, НТР пришла пора. Почему же механизмы, самосвалы, трактора заправляешь ты с утра по старинке, из ведра!» Я ему тогда толкую: «Коллектив из кожи лез, вишь, отгрохали какую для колхоза АЗС. Наша станция — картинка, все построено давно. Электронную начинку подключить осталось. Но... «Нет таких специалистов», — все поют в одном ключе. Вот и ходят трактористы с коромыслом на плече. Сын, учись, не трать минуты, ведь торопится прогресс. Кончишь школу с институтом — и подключишь АЗС!»

Андрей ВАНЮКОВ.

Деликатес для моли

Недавно товарищу Заусайлову С. П. довелось наблюдать интереснейший природный феномен: в вечернем небе собралась моль, образовывала гигантские скопления, а затем устремлялась в восточном направлении.

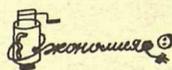
«Бежит городская моль. Бежит... — подумалось С. Заусайлову. — А куда ей бежать! В деревню, в сундуки!» Этот вопрос некоторое время его мучил, а ответ пришел как-то сам собою: «Не иначе, как выживает ее из города поступивший в широкую продажу препарат «Антимоль». И тов. Заусайлов достал спрятанную еще прошлой весной кроличью шапку дочери, обработанную этим чудесным средством, дабы убедиться в его истребительном действии.

Но что это! Шапка была голой! Замечательная поросля, именуемая мехом, радующая глаза и согревающая голову, была съедена начисто, а личинки моли с видимым удовольствием доедали содержимое надрезанных пакетиков «Антимоли» с надписью «Уфимский химический завод».

«Значит, на этот завод летит, — подумал Заусайлов, — ищет благоприятные условия для питания и размножения... Ах, неблагодарная тварь! Жратву, можно сказать, на дом присылают, в красивой и удобной упаковке, а ей все мало...»

Иван ИВАНЮК.

Интересное начинание

Вот и Спас-Деменский комбинат бытового обслуживания [Калужская область] активно включился в борьбу за экономии электроэнергии. Третий год комбинат держит в ремонте электродвигатель стиральной машины «Кама-7», принадлежащей Марии Ивановне Новиковой.

На упомянутом моторе сэкономлено двести двадцать киловатт-часов. И это не предел. Коллектив не должен останавливаться на достигнутом. Ведь этот эффект получен от затянувшегося ремонта только одной стиральной машины, а сколько их в районе!

Право же, стиральная машина не предмет первой необходимости, без нее вполне можно жить. Живет же Мария Ивановна. И если поискать, кучу других не особенно нужных электропредметов можно обнаружить в каждой квартире.

Да если бы да все моторы запрятать в «надежные» ремонтные мастерские! А! Никаких проблем — сплошная окружающая среда. Лес, речка, чистый воздух.

Евгений КОРЯГИН.

Ловцы огурцов

Я пришел в магазин и спросил сачок для рыбной ловли.

— Дефицит, — сказал продавец.

— Неужели все полтавчане стали вдруг заядлыми рыбаками!

— Да нет, — усмехнулся продавец, — сачки разобрали работники бакалейной базы. Они ими огурцы ловят...

«Шутит», — решил я и отправился на базу «Укроптбакалея».

Этажом ниже склада кондитерских изделий плескалось озеро. В озере плавали банки с маринованными огурцами, а на лестнице стояли люди и вылавливали их для отправки в магазин.

— А что, разве нельзя иначе! — удивился я.

— Можно, — сказал один из ловцов. — Обычно мы включаем насос, и, пока он откачивает воду, мы в резиновых сапогах спускаемся вниз. Но сегодня электрик выходной, а подпочвенные воды, знаете ли, выходных не берут...

База, построенная в незапамятные времена, пришла в полную негодность. Но вот лет десять назад поступило распоряжение из Министерства торговли Украины о строительстве новой базы. Увы, оно выполнено не было, хотя проект все же изготовили.

Следующий пик восторга для работников базы наступил в 1973 году, когда в фундамент должен был лечь первый кирпич. Но вот беда: указанный кирпич где-то затерялся, и его никто не смог найти.

Однако в 1977 году появляется приказ министра В. Г. Старунского, который предусматривал выделение денег на строительство бакалейной базы. Приказ в Полтаву поступил, а деньги вроде бы пропали на почте.

С тех пор минуло четыре трудных года. Но база работает, проводит торговые операции на сумму четверть миллиарда рублей в год и даже ухитряется занимать призовые места в республиканском соревновании.

— Как вам это удается! — спросил я директора.

— С помощью сачков и насосов, — грустно ответил он.

Юрий ПОГОДА,
г. Полтава.

Место для лужи

В наш век сплошной урбанизации мало осталось тихих, благодатных уголков, где человек мог бы вполне насладиться созерцанием милых сердцу картин деревенской природы, сосредоточиться, углубиться в себя, поразмышлять... С катастрофической скоростью исчезают с лица земли утопающие в бархатной пыли деревенские улочки, великолепные необъятные лужи, которые в доброе старое время украшали любой уважающий себя город.

И как же отрадно сознавать, что и в наше время в г. Рубцовске нашлись энтузиасты, которые, несмотря на все препятствия, не хотят мириться с исчезновением этих оазисов прохлады и тишины.

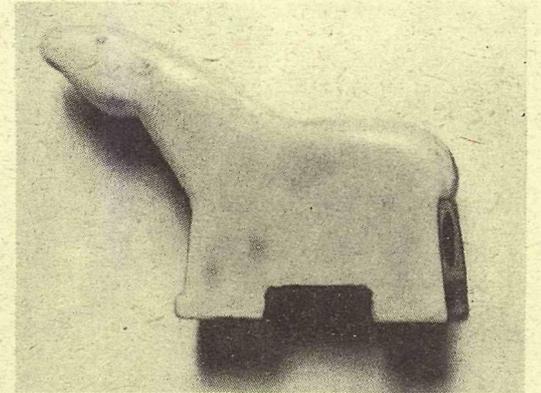
Место для лужи выбрано исключительно удачно. Раскинулась эта лужа перед детской городской больницей № 1, заманчиво сверкая на солнце и лаская взоры проходящих мимо людей. Мамы и папы с детишками пробираются через нее, прыгая с камешка на камешек, тихо вскрикивая от восторга, и негромко произносят про себя какие-то слова, вероятно, слова благодарности, обращенные к работникам городских организаций. А она, развалившись, как большая львица, лениво греется на солнышке... Не говоря уже об эстетическом наслаждении, которое доставляет дивная панорама больным детишкам и их родителям, а также всем прочим желающим и нежелающим, сколько чисто практической пользы может она принести! Ведь стоит только серьезно взяться за дело, мобилизовав общественность, — и представляет, какое будет раздолье для туристов! Для любителей экзотики неплохо было бы организовать прокат болотных сапог. Больницу, которая, естественно, нарушит целостность картины, имеет смысл перенести в другое, более подходящее место.

Светлана БОВЫКИНА.

Мишка, мишка, где твоя улыбка?

Встречались нам уже кошечки и поросята в виде копилки, стада слонов на комодах для услуги мещанских вкусов обывателей. А вот теперь досталось и властелину снежных просторов Севера — белому медведю.

Унизили и оскорбили гордого, прекрасного зверя ленинканские местпромовцы, выпускающие пластмассовые точилки для карандашей.

Жалко мишку, обидно за него.
Татьяна СЕГЕДА.

Крокодил благодарит читателей С. Еглыского, Н. Колякина, А. Волохо (Брянская обл.), С. Заусайлова (г. Калуга), М. Новикову (Калужская обл.), Н. Чуманову (г. Рубцовск), В. Сюзяева (г. Краснодар) за сообщения, использованные в мини-фельетонах.

Почем самоварное золото?

Сувенир туристу необходим — тут спорить нечего. Без сувенира турист сохнет, блекнет, теряется. Вожделенная мечта его — приобрести изделие русского народного промысла: матрешку, глиняную вятскую игрушку, гжельский фарфор или хохломскую посуду. И наша сувенирная промышленность, промыслы призваны соответственно насытить возрастающий спрос туриста, развить в нем чувство прекрасного, где-то даже возвысить душу. Призваны, но...

Горьковское предприятие художественных промыслов вместо увеличения выпуска знаменитой хохломы и матрешек выдает план по... плечикам одежным и кистям мочальным!

Пермский завод «Уральский камень» всю гонит... ящичную тару и крахмал!

Ленинградское производственное объединение народно-художественных промыслов, помимо сувениров, выдает нагоря клей конторский и корзины для белья. А волгоградский завод «Сувенир» увлеченно паяет банки для краски!

А что же сувениры? Как с ними? Свято место пусто не бывает, говорится в пословице. Поэтому на вырчку сувенирной промышленности приходят умельцы из леспрохозов.

Например, мастера Кузедеевского лесхоза Кемеровского управления лесного хозяйства режут из дерева, в подражание старинной богородской игрушке, медведей разных сортов. Вид их страшен. Заикой можно стать от испуга. А

Юрий РОГОЗИН

Здравствуйте, уважаемые товарищи! Мы раньше никогда не писали писем в редакцию, но вчера, посмотрев по телевизору концерт, решили все-таки написать: уж очень он нам понравился. Сначала мы хотим поблагодарить вас за то, что вы дали нам такую возможность — встретиться с нашими любимыми артистами, которым тоже большое спасибо. Надо вам сказать, что наша семья вообще очень интересуется искусством во всех его проявлениях, и поэтому мы хотим задать вам несколько вопросов теоретического характера.

Больше всего нам понравилась певица Грачева. Из-за нее у нас и произошел самый большой спор. Наш семилетний Коленка сказал, что у нее, Грачевой, сопрано, а бабушка сказала, что меццо-сопрано. Постепенно в спор включилась вся семья. Одна половина спорящих стала утверждать, что у Грачевой муж киноартист Сидоров, а другая половина — что режиссер Петров. Переубедить друг друга спорящие стороны так и не смогли. Поэтому обращаемся к вам с большой просьбой: сообщите, пожалуйста, нам, за кем в действительности замужем певица Грачева. В случае, если наша любимая артистка состоит в браке не в первый раз, просим также сообщить фамилии ее предыдущих мужей.

По-хорошему удивила нас арфистка Крылова. Раньше мы считали, что на арфе ничего порядочного сыграть нельзя, но теперь мы так не думаем. Раньше арфа в поле нашего зрения попадала редко, и поэтому мы почти ничего не знаем об этом музыкальном инструменте. Про-

клюшка или штанга в лапах (оригинальное название: «Медведь-хоккеист», «Медведь-штангист») дело не спасает...

За кемеровскими энтузиастами смело пошли мастера из Глазовского леспрохоза Министерства топливной промышленности Удмуртской АССР. Не мудрствуя лукаво, они взяли пустую поллитровую бутылку (извините, из-под водки) и лихо расписали ее знаменитой хохломской травкой. Так появился оригинальный пятирублевый сувенир с не менее оригинальным названием — «Бутылка».

Вообще сейчас даже возник официальный термин — «миграция промысла». Это значит, что хохлому нынче делают не только в Хохломе, а миниатюрная живопись Палеха пошла по рукам умельцев множества промышленных предприятий.

Ведь раньше-то как было? Золото Хохломы запыхало на крестьянском столе где-то в XVI веке. Наивные мужики из глухих лесов Заволжья, не чураясь тяжелой работы, старательно, с помощью олифы, двух красок да оловянного порошка превращали деревянную посуду в золотую. В это же время в Туле местные мастера надраивали до блеска свои, ныне всемирно знаменитые самовары и восклицали: «Ах ты золотце мое самоварное!»... Так было. А теперь происходит вот что... Липецкий комбинат народно-художественных промыслов долго думать не стал: покрыл тульский самовар хохломским узором. Получился уникальный гибрид: тульско-самоварно-липецкая хохлома. Расписан самовар мастерски и с любовью. Одно смущает: так ли уж необходимо было смешивать эти два замечательных промысла? Накладывать, так сказать, один на другой? Но после недолгой борьбы с привередливыми знатоками народного творчества создатели суперсамовара настояли на своем, утвердили новый сувенир во всех надлежащих инстанциях...

— Искажение тульского самовара, — так оценила это произведение главный художник хохломской фабрики, заслуженный художник РСФСР, лауреат Государственной премии О. П. Лушина, — и издевательство над нашей росписью! Лучше, пожалуй, не скажешь!.

А что же турист? Тот, который не шибко сведущ, берет, что ему подсовывают. А туристы сведущие изводят растерянных продавцов нескончаемыми вопросами: «А этот поднос где расписан? В Жостове или на московском заводе? А хохлома у вас хохломская или липецкая?» И что с ними делать, никто не знает... Хотя задача предельно ясна: беречь и совершенствовать народное творчество, отстаивать чистоту традиций художественных промыслов.

ЗА КЕМ ЗАМУЖЕМ ПЕВИЦА?

Рассказ

сим сообщить, сколько стоит арфа, а также на чьи деньги покупают арфисты эти прекрасные музыкальные инструменты — на свои или на государственные? Поскольку мы коснулись в нашем письме арфистики Крыловой, просим написать и про ее семейное положение.

Очаровали нас также танцоры Фомичева и Петкер. Друг на друга они совсем не похожи, поэтому мы сразу исключили возможность того, что они брат и сестра. Тетя Валя предположила, что они муж и жена. Но все остальные члены нашей семьи не согласились, так как у обоих танцоров не было обручальных колец. Чем больше мы думали над этим вопросом, тем больше запутывались, и поэтому просим теперь вас дать разъяснение насчет Фомичевой и Петкера, а также насчет обручальных колец.

Всеобщий интерес вызвал у нас также вопрос об оплате выходов на «бис». Очень интересно было бы знать: доплачивают ли за эти выходы дополнительно?

Дорогая редакция, вся наша семья вообще очень любит спорить на самые разные темы. Так что сами видите: живем мы полнокровной духовной жизнью.

С нетерпением ждем от вас ответов на наши вопросы и заранее благодарим за них.

С наилучшими пожеланиями семья Сократовых.

— Мне нравится, что вы больны не мной...

Шутливое

Как небо вдруг потяжелело,
Как тучами заволочло!
И дождь отрывисто и смело
Уж бьется в мутное стекло.

Вот он прорвался. Без удержу
Его на землю понесло.
Мир зачарован и повержен
(Сейчас бы лодку да весло).

А в доме рядом на балконе,
В пижаме, до смешного тощ,
Зарядку делал незнакомец,
Подставив лысину под дождь.

Как подлетали вверх гантели,
Потом шли в стороны и вниз!..
И дождь из крупного стал мелким
И очень скоро вовсе скис.

Хвала ему, пенсионеру,
В пижаме цвета под желток.
Он, в физзарядку свято веря,
Остановил дождя поток!

Мимходом

Племенной Пегас.

Не разрешайте детям играть с
искрой божьей!

Ложка дегтя придает искусст-
венному меду натуральный
вкус.

Иные истины сначала согласо-
вываются, а уже потом рожда-
ются в споре.

Дурак? Зато с богатым внут-
ренним миром. Набитый ду-
рак.

«Как дела?» «Сносно», — отве-
тила курица.

Юрий МЕЗЕНКО,
г. Киев.

Григорий
ОВАНЕСЯН

Импортные часы

(Диалог
в отделе
кадров)

— Это очень хорошо, товарищ Ас-
керов, что вы хотите работать у нас.
Я дам ход вашему заявлению, толь-
ко... почему вы так скованы? Что это
у вас под мышкой? Неужели градус-
ник? Вам что, нездоровится?

— Дело в том, уважаемый Рустам
Алиевич, что без часов я как без
рук!

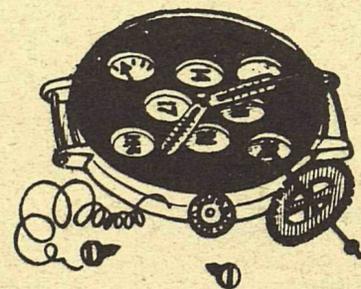
— Какие еще часы, товарищ Ас-
керов?

— Которые я отдал в ремонт! Им-
портные часы, дорогой, изготовлен-
ные знаменитой заграничной фир-
мой «Популарис»!

— Ну и что из этого?

— А то, что я действительно ско-
ван, потому что под мышкой у меня
градусник!

— Вай-вай-вай, товарищ Аскеров!
Значит, вы часто болеете, а ведь ра-
бота, на которую вы претендуете...

— Я бы сказал, что это скороспелый
вывод, уважаемый Рустам Алие-
вич! Ни разу в жизни я не брал бюл-
летеня!

— А для чего же вы измеряете
температуру?

— Да я же объяснил вам: мои ча-
сы, импортные часы в ремонте!

— Да при чем же здесь часы?!

— Как при чем? Они же показы-
вают не только время, но дни неде-
ли, число, месяц, год, век, пульс, ат-
мосферное и артериальное давлени-
е!

— Но градусник-то при чем, това-
рищ Аскеров?

— Да при том, что часы, в частно-
сти, показывают температуру тела и
окружающей среды. До покупки ча-
сов я и понятия не имел, какая у ме-
ня температура, а как купил — сра-
зу же узнал: тридцать шесть и шесть.
Каждый день сто раз посмотрю, ко-

Вильям КЕЙН (Англия)

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

У ГАДАЛКИ.

— Опасайтесь пожилой чер-
новолосой женщины. Она хо-
чет обмануть вас!

«Сё», Швеция.

— Только обещайте не сме-
яться...

«Панч», Англия.

Я люблю просыпаться рано, но
каждое утро меня ожидает одна и
та же неприятность, и избежать ее
невозможно — надо одеваться. Это
дань, которую мы платим сами себе
за то, что принадлежим к цивилизо-
ванному обществу. Ведь человека,
целый день проводящего в пижаме,
в лучшем случае станут просто из-
бегать.

Я, конечно, мог бы спать в одеж-
де, но это выше моих сил. Кроме то-
го, раздеваться гораздо легче. По по-
казаниям секундомера я проделываю
это за четверть минуты. Но одевать-
ся — мучение!

Если было бы можно, я носил бы
шкуру — как волк или медведь. Ка-
кая прелесть — проснуться утром,
причесать волосы и шерсть и спокой-
но отправиться по своим делам. Вот
только бриться мне все равно
пришлось бы — с бородой я похож
на дикого осла.

Но в шкуре меня приняли бы или
за сумасшедшего или за пещерного
человека откуда-нибудь из дебрей
Амазонки. Так что приходится носить
костюм и каждое утро — о ужас! —
бороться с многочисленными пуго-
вицами.

Итак... Я вскакиваю, хватаю эти
богом проклятые брюки и пытаюсь
одновременно сделать два дела: по-
пасть ногой в штанину и не упасть
на лол. Потом следует недолгая, но
упорная борьба с ботинками. И вот
наступает страшный момент — ру-
башка. Наверное, легче вырыть яму
глубиной в три человеческих роста,
чем застегнуть верхнюю пуговицу
негнущимися после сна пальцами. На
этом этапе одевания я уже начинаю
тихонько скрежетать зубами в бес-
сильной ярости.

Но это все еще цветы по сравне-

Молодая девушка пошла с жени-
хом на бега. Она поставила на какую-
то лошадь, но проиграла.

— И слава богу, Роберто, — сказа-
ла она, — если бы я и выиграла, я бы
все равно не знала, куда девать эту
лошадь.

торый час, а заодно и все показате-
ли. Целый год ходили минута в ми-
нуту, и я все про себя знал! И вдруг,
на тебе, испортились! Теперь к врачу
бежать надо, давление измерить!

— У вас гипертония?

— Да что вы, Рустам Алиевич! Ни-
чего у меня нет, но порядок есть
порядок, ведь без часов я как без
рук!

— Сочувствую... Как же теперь,
товарищ Аскеров, без часов жить бу-
дете?

— Тяжело, уважаемый Рустам
Алиевич, ох, как тяжело... Дело в
том, что часы я должен был полу-
чить сегодня, но мастер задел неча-
янно какой-то нужный винтик, и часы
сейчас показывают семнадцатый век.
Чтобы перевести часы на одни сутки,
нужно повернуть ручку двадцать че-
тыре раза. Теперь вся мастерская,
по очереди будет крутить ручку три
дня, чтобы установить двадцатый век!
Вы извините, Рустам Алиевич, я,
пожалуй, пойду, мне ведь после боль-
ницы надо зайти к синоптикам, уз-
нать насчет атмосферного давлени-
я...

— Желаю удачи! — ошеломленно
сказал Рустам Алиевич, искренне по-
радовавшись тому, что на руке у не-
го простые часы «Победа», подарен-
ные ему на свадьбу двадцать пять
лет назад...

г. Баку.

Собираясь утром

нию с галстуком. Раз десять я завя-
зываю и снова распускаю узел, ко-
торый сбивается то влево, то вправо,
то вообще принимает вид сверну-
той в безобразный клубок тряпки.
В конце концов я все-таки умудря-
юсь завязать узел, но так сильно за-
тягиваю его, что, полузадушенный, с
мученическим воплем падаю в крес-
ло. Потом я с новыми силами под-
нимаюсь и пытаюсь приколоть гал-
стучную булавку. Пару раз оцарапав
грудь, мне удается не только при-
крепить ее, но и заставить придержи-
вать галстук.

Плотный воротничок рубашки и
галстук объединяются в своих усили-
ях задушить меня. С каким наслаж-
дением я бы вытащил этих убийц на
улицу и растоптал бы ногами. Но о-
ружьющие, боюсь, приняли бы меня
за сумасшедшего и отправили бы в
лечебницу.

Так... теперь жилет и пиджак... Бо-
же! Сколько пуговиц! И карманов —
для сигарет, для ручек, для спичек.
Много — и почти все бесполезные.

Ну вот, я одет...

Проделав все это, в конце пытки
(иначе процесс одевания не назо-
вешь) я получаю возможность выйти
на улицу и не быть принятым за не-
нормального.

Я потерял пятнадцать минут, бес-
ценных минут моей жизни. А ведь за
это время я мог бы сказать пятна-
дцать слов, съесть пятнадцать яблок
или выкурить сигару. Я мог бы напи-
сать короткую статью и получить за
нее деньги.

И если кто-то спросит меня: «Что
полезного вы сделали с 8.45 до 9.00
утра?» — мне придется глубоко вздох-
нуть и ответить: «Увы, сэр, я оде-
вался».

Перевел Сергей МОСПАНОВ.

Человек, приехавший с Корсики,
рассказывал:

— Все эти разговоры о воровстве
на Корсике сильно преувеличены. Е-
сли вы будете пересчитывать пальцы
после того, как с кем-нибудь поздо-
роваетесь, они, как правило, все
окажутся на месте.

«В этом году на первое место вы-
шла потийская юношеская команда
«Колхети». Победенная команда
заслуженно завоевала переходящий
кубок ЦС «Водник».

Газета «Потийский портовик».

«Очевидно, на шахте «Юнком», да
и на некоторых других предприя-
тиях надо в корне ломать дисциплину
в дни выдачи зарплат».

Газета «Енакиевский рабочий».

«В уютном зале можно послушать
произведения композиторов, напи-
санные специально для детей и пев-
чих птиц».

Газета «Уральский рабочий».

«Прически создаются с помощью
рук и других предметов повседне-
ного пользования».

(Из телепередачи).

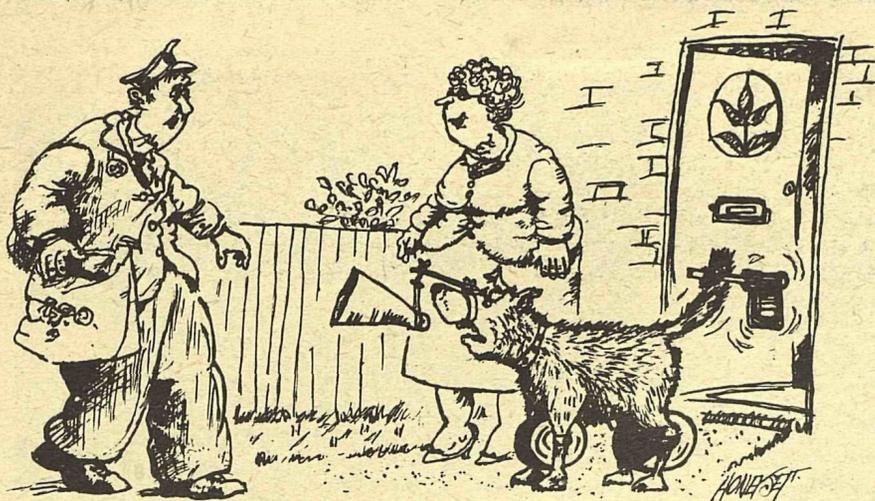
Прислали многие телезрители.

«Тов. жильцы!

Сегодня и завтра горячей воды не
будет. У коচেгаара родился сын».

(Объявление).

Прислал Б. Самарин, г. Владивосток.

— Не бойтесь, — хотя моя собака и производит много шума, это совершенно безобидное существо.

«Панч», Англия.

— Знаешь, Смита осудили на три года за то, что он оскорбил директора. Он назвал его дураком и бездарью.

— Но за оскорбление дают не более двух лет.

— За оскорбление он получил всего год, а вот еще два — за разглашение служебной тайны.

Сельский врач поставил магнитофон в приемной, чтобы больные развлекались, ожидая очереди. Все восприняли новшество с удовольствием, кроме одной старушки, которая проворчала:

— Сколько народу сидит, а синьор доктор все бренчит на гитаре...

Слова, слова...

Далеко не каждое падение можно объяснить законом всемирного тяготения.

Из неопубликованных записных книжек Ньютона. Для того чтобы читать нравоучения, не обязательно быть грамотным.

Шутка древнекритских начальников. Мало быть хозяином своих слов, нужно их иногда выводить на прогулку.

Ив Нью, французский журналист. И голос рассудка может иногда фальшивить.

Приписывается голосу сердца. Мысли приходят и уходят, главное, чтобы голова осталась на месте.

Новозеландская банальность.

— Я всегда выхожу замуж по одним и тем же датам — так проще запомнить день свадьбы...

«Биллед-бладет», Дания.

Школьный учитель говорит коллеге:

— Жить стало совершенно невозможно, мсье Рыбу. Учитель боится директора. Директор — инспектора. Инспектор — чиновников из министерства. Чиновники боятся министра. Министр — родителей. Родители боятся детей. И только дети никого не боятся.

Выслушав длинную отцовскую проповедь о скромности, сын возмущился:

— Но ведь и вы в свое время курили первую сигарету, покидали родительский дом, вступали в брак, рожали детей. Почему же мы не можем делать то же самое!

— Кто говорит, что не можете! — вздохнул отец. — Беда лишь в том, что вы пытаетесь проделать все это в обратном порядке.

КРОКОДИЛ

№ 14 (2348)

МАЙ

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН.

Редакционная коллегия:

М. А. АБРАМОВ,
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ,
А. Е. ВИХРЕВ
[зам. главного редактора],
А. Б. ГОЛУБ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
А. П. КРЫЛОВ
[художественный редактор],
Г. О. МАРЧИК,
Н. И. МОНАХОВ,
В. Г. ПОВЕДОНОСЦЕВ
[ответственный секретарь],
В. И. СВИРИДОВ,
И. М. СЕМЕНОВ,
М. Г. СЕМЕНОВ,
С. В. СМЕРНОВ,
С. С. СПАСКИЙ,
А. А. СУКОНЦЕВ,
А. И. ХОДАНОВ
[зам. главного редактора].

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Наш адрес:
101455, МОСКВА, ГСП,
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД, д. 14.

Телефоны:
250-10-86
212-21-73

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ
1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

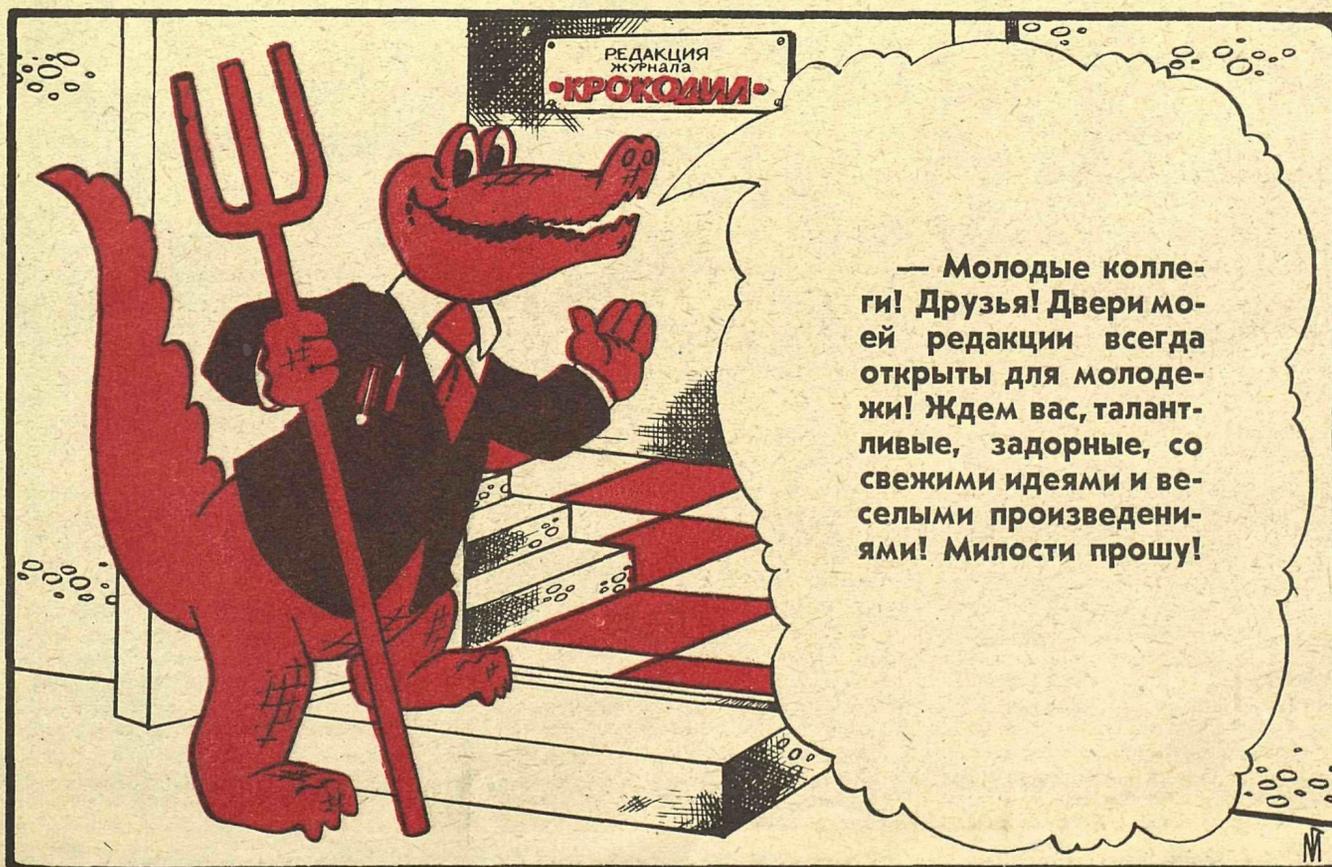
Темы рисунков этого номера придумали: С. Богачев, Е. Васильев, Е. Жердев, О. Микова, О. Мыльник, В. Полухин, Э. Рапутова, С. Репьев, М. Смирнский, В. Уборевич-Боровский, В. Хаханов, С. Хомич, Е. Шипицова, Л. Шухов.

Технический редактор
В. П. БОРИСОВА

Сдано в набор 15.04.81.
Подписано к печати 23.04.81.
А 05092.
Формат бумаги 70×108/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 5 810 000 экз.
(1-й завод: 1—3 659 400).
Изд. № 1051.
Зак. № 616.

© Издательство «Правда».
«Крокодил», 1981 г.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

— Молодые коллеги! Друзья! Двери моей редакции всегда открыты для молодежи! Ждем вас, талантливые, задорные, со свежими идеями и веселыми произведениями! Милости прошу!

ПЕРСИДСКИЙ ЗАЛИВ

РУКИ ЗАГРЕБУЩИЕ

Рисунок Владимира УБОРЕВИЧА-БОРОВСКОГО